

Поэт и фантаст Игорь Росоховатский

Читатели, наверняка, уже обратили внимание: в этом номере рубрика «Наследие» включает не только прозу, но и стихи. Действительно, нам захотелось представить сразу две ипостаси сегодняшнего героя рубрики. Тем более, что в обоих он все равно остается фантастом. В конце концов, не зря же утверждается: фантастика — падчерица поэзии и науки.

Многие даже из любителей фантастики со стажем знают, что известный киевский фантаст Игорь Маркович Росоховатский (р. 1929) в литературе дебютировал именно как поэт. Это случилось в 1954 году. Однако широкую известность писатель приобрел благодаря прекрасным, сохранившим литературную актуальность и сегодня произведениям в жанре научной фантастики. Первая жанровая публикация состоялась в 1958 году (рассказ «Море, бушующее в нас...»), и довольно быстро Игорь Росоховатский выбился в число очевидных лидеров советской «твердой» (естественнонаучной) фантастики.

Читатели со стажем, конечно же, помнят такие блистательные новеллы писателя, как «Встреча во времени» (1961), «Разрушенные ступени» (1965), «Каким ты вернешься?» (1967) или роман «Ураган» (1976; 1986) — кажется, единственное произведение крупной формы в творчестве писателя. Большинство рассказов и повестей Росоховатского вошло в авторские книги «Загадка «Акулы»» (1962), «Встреча во времени» (1963), «Виток истории» (1966), «Каким ты вернешься?» (1971), «Утраченное звено» (1985), «Прописные истины» (1987), «Законы лидерства» (1989), «Прыгнуть выше себя» (1990). Рассказы и повести Росоховатского очень разнообразны и по тематике, и по форме: он с равным успехом обращался и к юмористической фантастике, и к философской притче, и к социальной НФ, и к историям о космических полетах и искусственном интеллекте. В более позднем творчестве центральной темой писателя стали кибернетические двойники человека «сигомы», которым фантаст посвятил не только многие рассказы 70-80-х годов, но и такие известные повести, как «Гость» (1979) и «Двойник конструктора Васильченко» (1979), а так же научно-популярную книгу «КД — кибернетический двойник» (1975). Повесть «Гость», кстати, в 1979 году была экранизирована на киностудии им. Довженко — полнометражный игровой фильм «Под созвездием Близнецов».

Публикуемый в этом номере рассказ (как и стихи) — из категории «раннее творчество», но, надеемся, читателям журнала это знакомство (а для кого-то новая встреча) будет небезынтересным. Впервые рассказ опубликован в журнале «Знание-сила» в 1959 году.

Игорь Росоховатский

Чудовища лунных пещер

Рисунок А. Орлова

Научно-фантастический рассказ

Тишина...

Непривычная, унылая, без дуновения ветерка, без шелеста листьев — полная тишина, мертвая...

Тишина лунной пустыни...

Когда-то Роман Александрович мечтал о полной тишине. Чтобы не долетали гул трамвая, пронзительные голоса из кухни. Он уезжал в деревню и там склонялся над листами с формулами белковых молекул. Но где-то близко слышался заразительный детский смех, коровье мычание. Крик петуха. Роман Александрович невольно откладывал в сторону исписанные листы и смотрел в окно: там колыхались цветущие ветви яблонь, и сияло небо — в белых облачках, как в цвету. И кандидату биологических наук приходили озорные мысли о чужих садах с высокими заборами — мысли его детства. Рабочее настроение развеивалось бесследно.

И вот он достиг полной тишины. Он идет и не слышит шума своих шагов. Жутко. Он оглядывается и видит вздрагивающую стену вездехода — дизели не выключены. Впереди него на три шага — Николай, геолог. В пластмассовом скафандре с широким шлемом и овальным кислородным баллоном он похож на диковинную машину. Он стоит перед черным отверстием — входом в пещеру.

Роман Александрович обводит взглядом пустыню, покрытую многовековой пылью — пылью, которую не уносят ветры, смотри на термометр, помещенный на груди — плюс сто двадцать пять градусов по Цельсию. И невольно закрадывается сомнение: «А стоило ли ему, биологу, ехать сюда?» Вспоминается последняя дискуссия: «Вам незачем туда летать. Жизнь на Луне — выдумки фантастов! На планете без атмосферы, на планете с резкими переходами температуры до минус ста шестидесяти градусов — жизнь? Абсурд!»

Но Роман Александрович остался при своем мнении. Жизнь? Она взрывается каскадами зелени в тропиках, сгибает стволы деревьев тяжестью плодов, сверкает в брачном наряде мотыльков, поет голосами птиц. Она расцветает странным и хрупким цветком, высшим чудом — человеческим мозгом. В раскаленных пустынях, в глубинах океанов — везде жизнь. Она существовала и существует в самых невообразимых местах.

Биолог бросает взгляд на непривычно близкую зубчатую линию лунного горизонта, на вездеход с ало пятиконечной звездой и многослойной обшивкой, которая так надежно укрывала их от метеоритов и неожиданностей, и подает сигнал.

Один за другим люди ныряют в узкое отверстие. Роман Александрович включает прожектор. Перед ними — длинный извилистый коридор. В стенах поблескивают какие-то камни. Он знает — это золотые и медные жилы, которые здесь, на Луне, выходят прямо на поверхность.

Термометр показывает сто десять градусов, через несколько шагов — восемьдесят градусов, потом — пятьдесят. Астронавты выключают термостаты. Еще несколько десятков шагов — и впереди, в крошечной темноте, мелькает светлое пятно. Что там? Выход на поверхность? Но температура не повышается.

Роман Александрович замедляет шаг, смотрит на экран прибора. Стрелка движется. Все ясно. Радиоактивное излучение. Но стрелка не доходит до красной черты, и астронавты продолжают путь. Они проходят под аркой, и их глазам открывается изумительная пещера, залитая оранжевым светом. Золотые жилы и прослойки минералов сплетаются на сводчатом потолке диковинными письменами на стенах. Ослепительно сверкают вкрапленные в стены камни, и само пространство кажется струящимся и сверкающим, переливающимся фиолетовыми, золотыми, оранжевыми волнами.

Но не эти сверкание и блеск потрясли астронавтов.

В гигантской пещере, стекаясь к ее центру и растекаясь от него, двигались, катились, покачивались, копошились, извивались гигантские двухметровые черви с какими-то дрожащими отростками, шары с множеством щупальцев, баллоны, наполненные неизвестной живой массой и просвечивающие насквозь.

Роман Александрович тихо сказал в микрофон:

— Спустимся в пещеру, посмотрим на них ближе. В правом углу есть удобная площадка.

Он услышал голос Николая, донесенный радиоволнами:

— Мне кажется... это мы всегда успеем сделать...

Но Роман Александрович одним гигантским прыжком уже перенесся на намеченную площадку. Николаю пришлось последовать за ним.

...Теперь гигантские «микробы» были совсем близко. Можно было различить внутри них скопления вирусов, ведущих разрушительную работу, и внутри вирусов — еще какие-то тельца, возможно, паразитирующие в самих вирусах и вызывающие их перерождение. От некоторых «микробов» отходили вибрирующие отростки. Ими «микроб» ощупывал все на своем пути, иногда на несколько минут застывал у куска отвалившейся породы. «Они усваивают необходимые им вещества непосредственно из минералов, известняков, руд, — подумал Роман Александрович. — А воду? Ведь тут нет воды... — Он вспомнил вощинную моль. Она получает из воска водород и кислород и затем в самом организме синтезирует из них воду. — Может быть, и эти существа «пьют» подобным образом...»

Внезапно в беспорядочном движении простейших что-то изменилось. И прежде чем Роман Александрович понял, что произошло, огромный дрожащий баллон подкатился к его ногам и протянул отросток к поясу. «Таких простейших нет на Земле, — мелькнуло в голове ученого. — Эти более развиты. Ведь вся жизнь здесь развивается в одном направлении. Интересно, что представляют собой отростки? Свообразные антенны, осуществляющие связь с внешним миром? Органы питания? Или же и то, и другое?..»

Он не успел решить этот вопрос. Второй баллон с прилипшим к нему шаром протянул присоски к его руке. Роман Александрович отдернул руку. Перед глазами мелькнуло пламя. Это выстрелил из пистолета Николай. Пуля прошла через студенистое тело шара бесследно. И сразу же несколько десятков баллонов окружили астронавтов. Они стекались со всех сторон, заполняя площадку. Они спешили, обгоняя друг друга, сплетаясь в клубки, наползая одно на другое, образуя многоярусную лавину протоплазмы. В ней словно бы стирались грани — тонкие стенки, отделяющие одно тело простейшего от другого — и становилась особенно ясной относительность этих стенок, а значит, и относительность жизни и смерти.

— Роман Александрович, что делать? — ударил в уши голос Николая.

Биолог огляделся. Отступить к выходу из пещеры было поздно. Путь отрезали лавины гигантских микробов. «Почему они движутся к нам? Ведь на Луне нет животных, и, значит, эти «микробы» — не паразиты теплокровных. Они берут необходимые вещества непосредственно из почвы, и воздуха, или друг у друга. Мы не можем представлять для них пищи... В чем же дело?»

Он увидел длинные присоски, протянутые к застегкам на его поясе, и понял: «Пища для них не мы... но наши скафандры... Ведь в них есть все то, что простейшие добывают в почве — железо, азотистые, калийные соединения... Они не тронут нас, но разрушат наши скафандры, и мы погибнем.

Ощущение смертельной опасности вмиг подавило в мозгу все другие импульсы, вытеснило отвлеченные мысли и абстрактные рассуждения.

Напружинив мускулы, он отбросил студенистую массу баллонов. Но через минуту они опять сомкнулись вокруг него, словно живые волны. Десятки и сотни щупальцев тянулись к застежкам его пояса, к гофрированной трубке кислородного прибора...

«Дать сигнал товарищам, оставшимся в вездеходе? Но чем они помогут? Ведь единственное оружие — радиопушка — осталось в ракете...»

«Спокойно! — приказал он себе. — Подумай, оцени обстановку. — Спокойно!»

... В каждом мире есть свой яд и свое противоядие. Еще там, под аркой, он удивился, почему в двух углах, где разливается фиолетовое мерцание, нет лунных микробов. Теперь, в этот напряженный момент, он понял. Фиолетовое мерцание исходит от неподвижных колоний существ, похожих на слизняков. Существа облепили камни. В одних местах они свисали целыми гроздьями, в других — громоздились пирамидками. И всюду — там, где они разливали фиолетовый свет, — «микробов» не было и в помине. А если какой-нибудь неосторожный баллон вкатывался в запретную зону, то оставался там неподвижным, постепенно сморщиваясь и распадаясь.

— Следуйте за мной! — скомандовал роман Александрович Николаю, расшвыривая баллоны. Он оттолкнулся и пятиметровым прыжком достиг фиолетовой зоны. Николай бросился за ним.

Отдышавшись, они стали рядом и с любопытством наблюдали за встревоженными массами протоплазмы на том месте, где еще совсем недавно находились сами. Роман Александрович оторвал от стены несколько фиолетовых гроздей и, держа их в руках, направился к арке выхода. Он шел неторопливо, внимательно осматривая пещеру, и гигантские микробы откатывались от него. А те из них, которые не успели вовремя отступить, лопались или сморщивались.

— Вот выход богатейшей золотой жилы! — воскликнул Николай, следующий за биологом. Он поднял увесистый золотой самородок и показал ученому.

Роман Александрович махнул рукой:

— Этого добра здесь предостаточно. Но мы с вами, кажется, обнаружили великолепный клад.

Он выше поднял фиолетовую гроздь.

— Если простейшие на Луне более высокоразвиты, чем на Земле, то и враги их должны быть во много раз сильнее. Я думаю, что яды, которые выделяют эти фиолетовые существа, в сотни раз сильнее известных нам антибиотиков. С их помощью мы, возможно, сумеем справиться с такими болезнями, которые считаются неизлечимыми.

Роман Александрович все так же неторопливо обходил одно отделение пещеры за другим. Он переступал через трупы простейших и золотые самородки и думал о жизни, существующей там, где ее и представить невозможно, принимающей самые неожиданные формы, заполняющей пространство и строящей гармонию своих процессов во времени, прекрасной в уродливом и сложной в простом.

Он шел с фиолетовой гроздью в руке, и чудовища лунной пещеры поспешно расступались перед ним...

НАСТАНЕТ ДЕНЬ...

*Настанет день без пуль и без фугасов...
И звёздных высей славный капитан —
потомок наш — упорный, ясноглазый,
на Марс направит свой ракетоплан.*

*Метеориты будут, словно птицы,
кружиться над кабиной броневой,
и Землю — серебристо-голубую,
в прожилках рек, далёкую, родную
увидит наш потомок под собой.*

*Но если вдруг авария, но если
руль управления непослушным стал,
подумает потомок: «А Маресьев?»
Маресьев никогда не отступал!
И он пробьётся на ракетоплане,
на Марс шагнёт уверенной ногой...
И рядом с ним тогда Маресьев встанет —
ровесник мой.*

1955 г.

БАЛЛАДА О РОБОТЕ

Однажды влюбился робот
 В земную обычную женщину...
 Банальная это история,
 Но он ей признался в любви:
 «Я — робот, стальной и могучий,
 Могу я и город разрушить,
 Могу я и замок построить,
 И всё для тебя, для одной...»
 А женщина так отвечала:
 «Твой голос звучит, как сирена,
 В груди твоей сердце стальное,
 Объятья смертельны твои.
 Не нужен мне город и замок,
 Любви я желаю горячей,
 Вот если б ты стал человеком,
 Тогда б я любила тебя».
 Тревожным призывным набатом
 У робота сердце стучало,
 И плавилась блоки от страсти,
 И в плоть превращались они.
 И снова пришёл он к любимой
 И крикнул ей: «Чудо свершилось —
 Живой я, такой же, как люди,
 Теперь ты полюбишь меня.
 Я город не в силах разрушить,
 Я замок не в силах построить,
 Но знаю я боль и сомненья,
 Земную тоску и печаль».
 А женщина так отвечала:
 «Я вижу, что чудо свершилось:
 Обычным мужчиной ты стал.
 Ты город не можешь разрушить,
 Ты замок не в силах построить,
 Ты знаешь лишь боль и сомненье...
 За что же любить мне тебя?..»

1957 г.

